

Событія нарастали быстро. Не видя ни откуда помощи, стали просить ее у иностранцевъ, не останавливаясь передъ условіями. Мин. Гейеру и Третьякову «поручено было войти въ переговоры съ японскимъ посломъ относительно тѣхъ экономическихъ выгодъ, которыя могли-бы быть предоставлены Японіи на Дальнемъ Востокѣ, въ случаѣ ея помощи правительству». Начались разговоры о перемѣнѣ ориентаціи. Но все было безплодно. Катастрофа уже началась; пришлось сдать Омскъ и бѣжать на Востокъ. Войска отступали въ ужасныхъ условіяхъ, безъ желѣзной дороги, страдая отъ морозовъ и голода.

Въ Иркутскѣ наступила агонія.

Сдѣлана была еще попытка. Во главѣ бѣжавшаго правительства всталъ Пепеляевъ, который «горѣлъ желаніемъ демократизировать курсъ правительства, подчинить себѣ военныя власти а впослѣдствіи добиться выѣзда верховнаго правителя изъ Сибири». Даже эсеровъ привлечь въ правительство хотѣлъ. Но въ это время уже создался въ Иркутскѣ такъ называемый «политическій центръ» изъ лѣвыхъ элементовъ, который захватилъ власть, пользуясь поддержкой союзниковъ. Колчакъ изъявилъ согласіе на предложеніе совѣта министровъ отречься въ пользу Деникина и отдать себя подъ охрану союзниковъ. По прибытію въ Иркутскъ онъ и Пепеляевъ были переданы повстанческимъ властямъ.

Такъ кончилась эпоха сибирской диктатуры.

Смѣнившая ее власть иркутскаго «политическаго центра» продержалась нѣсколько дней и была легко ликвидирована большевиками, и Сибирь погрузилась въ мракъ совѣтскаго хаоса.

Подводя итоги своимъ очеркамъ, министръ Гинсъ меланхолически замѣчаетъ: «сила новыхъ движеній и будущихъ русскихъ правительствъ будетъ измѣряться исключительно степенью близости ихъ къ народу, степенью участія самого народа въ отправленіи власти». «Эпоха Колчака и Деникина были кризисомъ въ нововой болѣзни русскаго народа».

Надо надѣяться, что эта болѣзнь изжита и не вернется.

А. Аргуновъ.

Г. В. Плехановъ. — «ГОДЪ НА РОДИНѢ». Полное собраніе статей и рѣчей 1917-1918 г., въ двухъ томахъ. Изд. I. Povolozky, Paris 1921 г.

Г. В. Плехановъ — фигура слишкомъ значительная въ исторіи русской культуры послѣднихъ десятилѣтій, чтобы можно было пренебречь любой строчкой блестящаго писателя, глубокаго мыслителя и страстнаго борца за идеалы эмансипирующагося человѣчества.

Со смертью Г. В. Плеханова, можно смѣло сказать, кончилась героическая полоса въ исторіи русской общественной мысли, начавшаяся неистовствомъ Бѣлинскаго и черезъ неистовство Герцена и Михайловскаго дошедшая и пона остановившаяся на неистовствѣ Плеханова. При жизни Г. В. Плеханова его неоднократно обвиняли въ страстномъ, черезъ край бьющемъ полемизмѣ, мѣшавшемъ иногда людямъ, даже раздѣлявшимъ его основныя соціально-политическія и философскія предпосылки, стать въ ряды борцовъ подъ однимъ съ нимъ знаменемъ. Подъ этими знаменами было не тепло, а жарко... Обжигались не только противники, обжигались и друзья. Теперь, когда все это уже — увы прошлое — теперь легко распознать во всемъ этомъ нашу национальную черту: наше *неистовство общественно-литературнаго служенія*. Намъ не дана была условіями нашего культурнаго и общественно-политическаго развитія эта благодать спокойно-размѣрнаго идеологическаго творчества, знакомая даже самымъ крайнимъ теченіямъ въ Западнѣй Европѣ. Въ Г. Плехановѣ же соединились въ одинъ огнедышащій потокъ двѣ бурныя струи: полемическая традиція марксизма и неистовство героической полосы русской общественной мысли, начавшееся Бѣлинскимъ.

И вотъ послѣ 37 лѣтъ изгнанія борець, углубившійся въ исторію Россіи, въ исторію искусства, пріѣзжаетъ физически немощный на родину и вновь вспыхиваетъ священнымъ огнемъ общественнополитическаго неистовства. И нѣтъ никому пощады: ни «своимъ», ни «чужимъ», ни врагамъ. Замѣчательно, что первая же рѣчь, произнесенная черезъ два дня послѣ пріѣзда въ Россію, человѣкомъ больнымъ и усталымъ отъ тяжелой дороги, дышетъ все тѣмъ же безстрашіемъ, неистовствомъ по отношенію къ чужимъ и своимъ. Въ тотъ моментъ «свои» были во власти диммервальдизма. Говорить тогда въ народной аудиторіи о необходимости рѣшительной борьбы съ нѣмцами, тѣмъ болѣе о «побѣдѣ» было признакомъ весьма дурнаго тона и крайне «нетактичнымъ». Я былъ тогда среди его слушателей и знаю достоверно съ какимъ двойнымъ чувствомъ уваженія къ учителю и рѣшительнаго отрицанія его ученія слушали его руководящіе элементы совѣта депутатовъ. И что же? Плехановъ никого не пожалѣлъ. «Свои» сидѣли на иголкахъ, потому что огромное чувство радости отъ соприкосновенія съ родной освобожденной землей, вмѣстѣ съ исключительными ораторскими дарованіями Плеханова покоряли толпу, которую учили «противъ войны» и которая охотно эти лозунги усталости и пораженія впитывала. И этой массѣ въ такой моментъ, среди такъ настроенныхъ «своихъ» онъ говорить о томъ, что «соціалъ-патріотомъ» быть хорошо и онъ поэтому таковымъ является...

Неистовые люди одиноки... Но неистовые люди не боятся одиночества. Или вѣрнѣе такъ: неистовые люди не боятся одиночества и поэтому они одиноки. Плехановъ выпилъ всю горькую чашу этого положенія. На родинѣ не нашлось для него мѣста въ ряду командующихъ силъ русской революціи. Рядомъ съ нимъ было неудобно и очень... опасно.

Въ маленькой, слабой технически и слабой, за исключеніемъ самого Плеханова, литературно газетѣ «Единство» онъ отмежевалъ себѣ мѣсто, гдѣ началъ свою работу борьбы съ кривопутьями русской революціи... «Единство» мало читалось. И одинъ «единственный» въ своемъ «Единствѣ» онъ сжигалъ послѣдніе остатки своихъ, подхлотившихъ къ концу силъ въ борьбѣ за революцію демократическую, за Россію національно независимую, за социализмъ научный и реалистическій.

Два тома, изданныхъ друзьями покойнаго содержать его многогя рѣчи и статьи изъ «Единства». Прочитывая ихъ теперь, внѣ давленія злобы дня, по настоящему начинаешь чувствовать неистовую правду многихъ высказываній Плеханова. Видишь, конечно, и ошибки другихъ. Не въ этомъ дѣло. И не съ точки зрѣнія суда надъ ошибками однихъ или другихъ интересны эти два тома. Эпилогъ мартовской революціи, развалины Россіи гораздо поучительнѣе самыхъ неистовыхъ истинъ и самыхъ неистовыхъ заблужденій. Цѣнность этихъ случайныхъ замѣтокъ, иногда полемическихъ отписокъ, а иногда серьезно разработанныхъ темъ состоятъ въ томъ, что на нихъ вы можете прослѣдить годъ въ исторіи русской революціи, освѣщенный яркимъ умомъ и яркимъ перомъ исключительнаго по внутреннему напряженію таланта. Какъ газетнаго работника, откликающагося почти изо дня въ день на трагическія событія современности Плеханова можно видѣть только въ рецензируемой книгѣ. И поразительно, какъ онъ здѣсь равенъ самому себѣ. Въ маленькой газетѣ среди тѣсныхъ столбцовъ Плехановъ не размѣнялъ себя, а только по иному выявилъ. Для исторіи и теоріи газетнаго стиля эти два тома являются неоцѣнимымъ вкладомъ. Первое, что можно извлечь изъ нихъ — это огромное чувство *свободы*, владѣющее перомъ автора. Въ маленькой статейкѣ Плеханову — *не тѣсно*. Онъ ни о чемъ не говоритъ мимоходомъ. И каждая фраза, каждое слово сказаны и написаны такъ, точно дальше другія слова и фразы здѣсь уже побывали и побратались съ тѣснымъ единствѣмъ. Плехановъ не боится экскурсіи въ любую область духа и знанія, онъ охотно сыплетъ цвѣтами своего энциклопедизма, — то, что насъ поражаетъ въ крупныхъ работахъ нашихъ «неистовыхъ», въ толстыхъ журналахъ и книгахъ.

Раціонализмъ — вторая черта газетныхъ писаній Плеханова. Блескъ, энциклопедическая искрометность Плеханова подчи-

нены всегда страшной системѣ простыхъ ясныхъ силлогизмовъ. Они иногда раздражаютъ своей элементарной конструкціей, своей непреодолимой если можно такъ выразиться... направленностью. Для того, чтобы убѣжать отъ вывода, который вамъ почему-либо не правится надо вернуться назадъ. Вернувшись къ началу для того, чтобы отвергнуть конецъ вы находите положеніе столь простое и элементарное, что отбросить его никакъ невозможно. Элементарность силлогизма начинаетъ казаться ловушкой, плѣномъ...

Рационализмъ въ газетной статьѣ — это во всякомъ случаѣ замѣчательное и рѣдко встречающееся явленіе публицистической прозы.

И третье: безстрашіе передъ инако мыслящими. Взять быка за рога, ударить по самому большому мѣсту — въ этомъ Плехановъ рѣдкій мастеръ. Во многихъ случаяхъ можетъ казаться, что Плехановъ какъ бы нарочно затрагиваетъ самые острые моменты спора. Передъ трагическіи закончившимся наступленіемъ русской арміи Плехановъ пишетъ объ этомъ со смѣлостью и рѣшительностью, приводившия, я это помню, въ недоумѣніе очень многихъ близкихъ къ его убѣжденіямъ оборонцевъ. Плехановъ явно «портилъ» дипломатію многихъ дѣятелей революціи, придерживавшихся тѣхъ же взглядовъ, что и онъ, но предпочитавшихъ глубокомысленно молчать.

Теперь мы видимъ цѣну этого молчанія, Но тогда, надо это признать, положеніе часто было таковымъ, что многія идеи отбрасывались не вслѣдствіе ихъ внутренней несостоятельности, а потому, что ихъ высказываль... Плехановъ. Они становились «плехановскими», т.е. компрометирующими...

Такъ ровнымъ образомъ Плехановъ становился пугаломъ для многихъ изъ «малыхъ сихъ» и не только «малыхъ».

Два тома статей Плеханова — это трагическая повѣсть одиночества большого человѣка, мыслителя и писателя. Это лебединая пѣсня умирающаго борца, который бросилъ свои научные труды, чтобы жить и работать среди родного народа и которому суждено было страдать и умереть въ финской деревушкѣ...

Изданіе снабжено біографическимъ очеркомъ, не могущимъ удовлетворить потребности въ синтетической характеристикѣ Г. В. Плеханова. Эта задача идетъ еще своихъ исполнителей. Изъ предисловія мы узнаемъ, что авторъ біографіи пользовался «неизданными еще воспоминаніями Р. М. Плехановой». Нечего говорить какое огромное значеніе для знакомства съ обликомъ Г. Плеханова имѣло бы изданіе этихъ воспоминаній.

Ст. Ивановичъ.